Каменные сердца

Иван Бурбич

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Иван Бурбич

Каменные сердца

«Автор»

2025

Бурбич И.

Каменные сердца / И. Бурбич — «Автор», 2025

Деревня Жильцы скрывает мрачную тайну праздника Купала. Богатырь-договорщик Иван должен раскрыть старую трагедию, чтобы остановить цикл смертей. Но правда страшнее любого чудища, а справедливость требует ужасной цены. Интеллектуальный детектив в мире славянской мифологии, где главное оружие — не меч, а слово.

© Бурбич И., 2025
© Автор, 2025

Иван Бурбич
Каменные сердца

Глава 1. Дивная деревня

По едва заметной лесной тропинке размеренно ступала немолодая лошадь. Несмотря на годы, она старалась идти бодро, и со стороны ее запросто можно было принять за молодую кобылу. Серая в яблоках, она не отводила своих глаз, с огромными, как у коровы, ресницами с тропы. Причиной ее усердия был всадник, который поглядывал по сторонам и напевал незнакомую мелодию.

Внезапно он замолк, услышав шорох справа. Напев оборвался. Несколько мгновений он вглядывался в кустарник, как вдруг тот дрогнул. Из его глубин, сквозь частую листву, к ним приближалось нечто. Лошадь насторожилась, но тут ветви расступились, показав рыжую белку. Всадник облегченно выдохнул.

– Чуть сердце в пятки не ушло, – проговорил он и задумчиво почесал затылок. – Ладно я, дурак. Но ты-то, Рыся, наверняка храбрее меня. Поехали, кажется, скоро будем.

Рыся фыркнула и прибавила шагу. Она любила всадника и его разговоры с ней. Быть может, он и не знал, что она понимает слова, но ей нравилось чувствовать себя равным собеседником.

***

Мысленно она возвращалась к тому дню, что перевернул ее жизнь. Еще два года назад ее мир ограничивался полем, плугом и крестьянином с хворостиной. Когда силы стали покидать ее, хозяин, ругаясь, пригрозил продать «кочевникам на мясо». Угрозы не пугали – что могло быть страшнее этой бесконечной каторги? Единственным светлым воспоминанием оставались два жеребенка, которых у нее отняли, едва они встали на ноги.

В тот летний день ее действительно продали. Новый хозяин – низкий человек с узкими глазами – грубо вцепился в поводья, вонзил в бока каблуки. Когда она не сдвинулась с места, его спутник, такой же тощий, с хищным взглядом, облизнулся. Лошадь поняла: конец близок. И смирилась.

Но на закате что-то свистнуло в воздухе, и хозяин рухнул на землю. Из его спины торчала стрела. Второй кочевник метнулся – и тоже пал. Рыся замерла, готовая к бегу, но бежать было некуда.

Из леса вышли трое.

– Совсем обнаглели, – проворчал самый крупный. – Хороший выстрел, Егорка. Богатырем не вышел, а стрелок из тебя знатный.

Они приблизились. Рыся нервно отступила.

– И чего с ней делать-то? Старая. Наша хоть? – Продолжил первый из них.

Второй, помоложе, светловолосый и голубоглазый юноша подошел ближе и заглянул лошади в глаза. Его взгляд был спокоен, и ее дрожь поутихла.

– Наша, – тихо сказал Егорка. – Глаза умные, а в них – вся ее тоска. У кочевниковых – либо пустота, либо злоба. А тут…

–А я себе ее возьму, пожалуй. – Сказал третий.

– На кой ляд она тебе? – буркнул Боров. – Конь у тебя есть, не княжеский ли?

– Конь – для службы, – ответил последний из них, самый молодой, чернявый с только-только пробивающейся бородой.. – А она… другом будет. Чую, нам с ней по пути.

Он прикоснулся к ее морде. Ладонь была шершавой, но тепло от нее разливалось по всему телу, смывая страх и боль. Рыся тихо фыркнула, впервые за долгие годы почувствовав, что не одна.

– Да забирай, – махнул рукой старший. – От меня не убудет.

– Черт! Не успел застолбить. – Егорка, с нескрываемой завистью, закинул лук за спину. – Ловкий ты шибко, Вань, особенно когда не надо.

– Как говорится, кто не успел – тот опоздал. Ну что, будем дружить? – Иван погладил лошадь по загривку. – Меня Иван зовут, а тебе боги имя позже дадут.

Рыся не знала, что такое «дружить», но ей ужасно захотелось это выяснить. Она довольно фыркнула и топнула копытом.

С тех пор они, как она понимала, дружили. Он кормил ее овсом, купал в прохладных речках, баловал яблоками и морковкой. Она же исправно служила ему верой и правдой, удивляя порой собственной прытью. Однажды Иван привел ее к бородатым старцам, в круг деревянных столбов с резными ликами. Там ее и нарекли Рысью.

Впрочем, ее новый хозяин, а вернее друг, редко называл ее официально. Он часто коверкал ее гордое имя детскими, неуместно забавными приставками и окончаниями. По-началу она сопротивлялась, никак не реагировала на постоянно меняющуюся кличку, но после пообвыклась. Спустя время, суровое, как северный ветер, “Рысь” превратилось в милое “Рыся”.

С тех пор у нее началась новая жизнь. Она воображала себя великой боевой кобылицей, на службе у великого воина, и вела себя подобающе.

Ваню же, при всей ее любви, трудно было назвать воином, а уж тем более великим.. Крупный, но встречались и крупнее. Умный, но и поумнее видали. Ловкости в нем и вовсе не водилось, особенно когда надо.. Зато его все любили. И друзья, и враги – все ему улыбались. Он был добрым. И был у него один секрет, из-за которого его, несмотря на все недостатки, и взяли в богатыри. Как-то раз он поведал его Рысе на ухо. Но даже если бы она захотела, то никому бы не рассказала. А она и не хотела.

Внезапный солнечный свет вырвал лошадь из воспоминаний. Лес с его пугающими белками остался позади, и перед ними расстелился цветущий луг. Чуть поодаль виднелось селение из добротных срубов, построенных, как всегда, без единого гвоздя.

– Кажись, приехали, – Иван всматривался в деревню. – Всё как сказано: три дня по северному тракту, у большого дуба направо, после моста налево… Хорошо, когда всё по плану, а, Рыся?

Та фыркнула и одобрительно мотнула головой. Лес кончился, и она сама прибавила шагу.

***

У первых домов тропа расширилась, превратившись в улицу. Дорогу им преградил старик. Один глаз его был темным, на втором – бельмо. Иван натянул поводья.

– Ты хто такой? – дерзко спросил старец.

– Здрав будь, старче. Я богатырь, на службе у новгородского князя. Я к вам по…

– Я тебя не звал! – перебил старик. – Нам энтого вашего не нада! Ездют тут, а нам не нада!

– Чего не надо? – не понял богатырь.

– Не нада и всё! – крикнул старик, затем замер, опустив голову. Через мгновение он снова поднял взгляд и удивленно спросил: – Ты хто?

Разговор зашел в тупик, и неизвестно, чем бы он кончился, если бы из-за угла не вышел парень в белой рубахе. Он окинул всадника и лошадь оценивающим взглядом, подошел к старику и мягко обнял его за плечи.

– Дед, ты чего из дома ушел? Иди в хату, – он бережно развернул старика. – Вы уж простите, – обратился он к Ивану, – возраст, память подводит.

Дед послушно побрел к дому.

– Нечасто к нам в гости служивые люди, – сказал парень. – Вы кем будете? Проезжий или по делу в нашу глухомань?

– Я богатырь, на службе у новгородского князя, – повторил Иван. – С весточкой от вас к князю шли, вот он и послал меня. Говорят, хворь у вас или чудище донимает? Кто у вас здесь за старшего?

Парень удивленно взглянул на богатыря, затем его лицо прояснилось, будто он сложил в уме сложную головоломку.

– А… – протянул он и, помолчав секунду, добавил: – Мы уж и не ждали. Недели две минуло… Ладно, лучше поздно. Проходите, только сойдите с коня, чего народ зря пугать?

Они двинулись по улице. Иван оглядывался. Избы, хоть и не новые, были крепкими. Из труб вился дым, слышался звон из кузницы. Еще на подъезде он заметил на окраине небольшое капище. Никаких следов хвори видно не было. Навстречу попадались румяные девки, и на их лицах не читалось ни капли страха.

«Странно, – мелькнуло у Ивана. – Слишком уж всё спокойно. Слишком… ладно».

Ему стало казаться, что он зря сюда приехал. Дела здесь, на первый взгляд, обстояли неплохо – он видывал деревни и в куда худшем состоянии. Тем временем они подошли к самому большому дому.

– Тут наш староста живет. Будьте здоровы, мил человек, – и проводник поспешно удалился.

Иван привязал Рысь к слегка покосившейся ограде, взбежал по ступеням и постучал в дверь. Ответа не последовало.

– Эй, есть кто живой? – крикнул он, усиливая стук.

– Ты что, дурной? – послышался голос из-за угла. – Иду я, хорош дверь-то выносить!

Староста оказался рослым мужчиной, крепким в плечах. Седина проступала в его бороде и сплошь покрывала негустые волосы.

– Чего надобно? – спросил он, окидывая витязя оценивающим взглядом. – Проезжий?

– Я Иван, княжеский воин из Новгорода. Доложили, беда у вас приключилась, вот меня и прислали в подмогу.

– Ну, пойдем, побеседуем, богатырь, – усмехнулся староста, приглашая гостя на задний двор.

Там располагались небольшой огород, покосившийся курятник и старый колодец. Рядом с ним стояла скамья, на которую староста тяжело опустился, жестом предложив Ивану место рядом.

– Меня Олаф звать, – они обменялись крепкими рукопожатиями. – Беда у нас стряслась немалая. Начали мужики из деревни пропадать. Сначала грешили, мол, в соседнее село, по бабам шляются. Да только там их никто не видел. И не воротился никто. С Ивана Купала уже шестеро пропали, и ни слуху ни духу. Вечером были, по утру – будто сквозь землю провалились.

Олаф тяжело вздохнул, глядя куда-то в сторону леса.

– Как первый пропал – Никитка, парень молодой да бестолковый, – мы и не беспокоились. Разве что родители всполошились. Следом – Ярослав, жена его до сих пор ищет да домой ждет. А уж когда Мстислав пропал, подмастерье кузнеца нашего… тогда и забеспокоились. С оказией весточку князю отправили. Да только не торопились вы, богатырь, – с упреком посмотрел он на Ивана. – С тех пор еще трое исчезли.

– А вы их искать пробовали? В лесу, например? – оживился Иван. – Может, медведь задрал? А может, и вправду все разом куда уехали?

– Ходили, искали, – мрачно отозвался Олаф. – Окромя укусов комариных – ничаво не нашли. Говорю же – как сквозь землю провалились. А насчет «уехали»… Я б может и поверил, да только пропадают мужики ровнехонька каждые шесть дней. Люди уж семьями съезжают. Ведь кормильца терять ни одной бабе не хочется.

– Так а до Купала всё было спокойно? Никто не пропадал? Сам праздник как прошёл? – не отступал воин.

– Всё как всегда! – Старик заметно занервничал, отводя взгляд. – Вас прислали разбираться – вот и разбирайтесь! Может, выхухоль, али упырь какой завёлся. Вам виднее.

– Нет, упыри, они обычно по девкам молодым охотятся, – возразил Иван. – А у вас только мужики. Выхухоль и вовсе безобидна. – Он не удержался от улыбки при мысли о кровожадном зверьке. – А что, у пропавших было что-то общее? Может, дружили между собой?

Олаф задумался, поглаживая седую бороду.

– Первые трое – молодые были. А потом и взрослые, семейные пошли… Нет, ничего общего. Деревня у нас небольшая, все друг друга знают. Но чтобы закадычные друзья… Не припомню.

– Понятно. А с бабами всё в порядке? Никто не хворает, не пропадает? – Иван достал из кармана сверток с медом в сотах и принялся жевать, с наслаждением причмокивая.

– С тех пор как мужики пропадать начали – нет, – ответил староста, и с каждым вопросом его раздражение росло. – А до того… Ну, глухомань же, сами понимаете. Всякое случалось.

«Настораживающая недоговорка», – мелькнуло у Ивана. Он ясно видел, что старик что-то скрывает, и давить сейчас – значит испортить все шансы на доверие.

– Ладно… А последний-то когда пропал?

– Четыре дня назад, – угрюмо бросил Олаф.

Воцарилось неловкое молчание, которое нарушало лишь довольное чавкание.

– Ох, сладок медок-то, – наконец заключил Иван, сплевывая остатки воска. – Не желаете?

Старик лишь молча помотал головой.

– Что ж, давайте к делу. Где у вас тут остановиться можно? С провизией поможете?

– Выйдешь отсюда, направо дойдешь до конца улицы. Там корчма «Ромашка». Скажешь, что Олаф волю дал. Тебя и накормят, и спать уложат. – На лице старосты на мгновение появилась ухмылка. – А насчет девушек уж сам решай, такие приказы я отдавать не могу, хе-хе.

Иван поднялся, вежливо поклонился и направился к выходу. Уже отвязывая Рысь, он услышал оклик:

– Эй, богатырь! Будь осторожен. Нет охоты через пару дней снова гонца посылать.

Молодой воин лишь одобрительно кивнул и тронулся в путь по указанной дороге.

Отвязав Рысю, Иван медленно повел ее по указанной улице, стараясь не упустить ни одной детали.

Деревня Жильцы с близкого расстояния казалась еще страннее, чем с пригорка. Срубы были добротными, крыши крыты дранкой, в огородах – зреющий урожай. Но за этим благолепием сквозила какая-то натянутая, неестественная тишина. Не слышно было привычного гула голосов, детского смеха, лая собак. Лишь изредка доносился приглушенный стук топора и далекий звон из кузницы.

Он чувствовал на себе взгляды. Из-за заборов, из-за ставней, приоткрытых на щелочку, за ним следили. Не с любопытством, а с тяжелым, подозрительным молчанием. Один раз он встретил по пути женщину с коромыслом. Увидев его, она резко развернулась и скрылась за ближайшим поворотом, даже не расплескав воду. В другом месте мужик, копавшийся у забора, замер и проводил его угрюмым, испытующим взглядом, не ответив на кивок богатыря.

Рыся, чувствуя напряженную атмосферу, нервно прядала ушами и пофыркивала, прижимаясь к плечу хозяина.

«Ну и деревенька, – подумал Иван. – С виду – мед и молоко, а внутри – будто на кладбище. И все знают, что через два дня земля кого-то нового проглотит».

Наконец, в конце улицы, показалось нужное строение – чуть больше других, с приземистой, массивной трубой, из которой валил густой дым. У входа торчал вкопанный в землю столб, а на нем висела выцветшая от дождей и солнца деревянная табличка с грубо вырезанной ромашкой. Никакого вывесного колеса или другого признака заведения не было, но по тому, как одиноко и в то же время значимо стоял этот дом, было ясно – это и есть «Ромашка».

Иван на мгновение остановился, глядя на темный, словно недружелюбный, вход в корчму. Это было последнее место в деревне, где еще можно было надеяться услышать правду. Или же – первое, где его самого ждала беда.

Несмотря на подозрения Ивана, внутри корчмы не оказалось ни входа в преисподнюю, ни притаившихся чудищ. Подозрительного здесь было куда меньше, чем на застывших в молчании улицах. Воздух, густой от запаха перестоявшей браги, хлеба и древесной смолы, казался почти живым по сравнению с могильным покоем деревни.

Корчмарь, дородный мужчина с лоснящимся от пота лицом, лениво протирал деревянную кружку грязной тряпицей. Большинство столов пустовало, лишь в углу двое безучастных мужиков, не глядя друг на друга, бросали кости.

– Мило тут у вас, – обвел взглядом нехитрое убранство богатырь, его голос прозвучал неприлично громко в этой давящей тишине. – Я богатырь с Новгорода. Олаф сказал, чтоб я тут остановился.

Он направился к стойке, грубо сколоченное сидение жалобно скрипнуло под его тяжестью.

– Плесни-ка, мил человек, мёду хмельного, да поесть чего положи. И лошадку мою чем-то поподчевать надобно, овсецом, сенцом. – Он достал кошель, из которого уверенно побрякивало рубленое серебро,положил на стойку. – Сколько должен за постой на день и ночь?

Корчмарь, не спеша, поправил свои огромные, вразлет, черные усы, забрал три рубля и убрал их куда-то под стойку. Оттуда же он извлек кружку, до краев наполненную мутным хмельным напитком. Его маленькие, запрятанные в морщинки, глаза, внимательно изучали гостя.

– Вы, стало быть, на подмогу к нам? – голос у него был хриплый, низкий.

– Так и есть, – Иван сделал большой глоток и с удовлетворением выдохнул. Мед был не ахти, но после дороги – бальзам. – Расскажите, в чём дело-то? Что за напасть у вас тут творится?

– Так староста Олаф рассказать должен был, – корчмарь уперся руками в стойку, и та слегка прогнулась. – Разве нет?

Иван уловил в его тоне ту же уклончивость, что и у старосты. Деревня замыкалась, как ракушка. Он медленно, с тихим звоном, бросил на стойку еще один серебряный рубль.

– Мне бы хотелось услышать ваш рассказ, хозяин. Со всеми подробностями.

Монета закрутилась на шершавой древесине, сверкая в тусклом свете. Корчмарь проводил ее взглядом, затем его взгляд скользнул к мужикам в углу. Те внезапно перестали бросать кости и замерли, прислушиваясь. Тишина в «Ромашке» стала вдруг звенящей.

Корчмарь задержал взгляд на серебряном рубле, будто взвешивая на невидимых весах риск и выгоду. Затем его жилистая рука накрыла монету, и она бесшумно исчезла в складках одежды. Он наклонился над стойкой, понизив голос до хриплого шепота.

– Ладно… Только чтоб никто. Я здесь не местный, сам Черниговец. Года нет, как сюда занесло. Думал, спокойное место, торговля по реке идет… А оказалось, сидишь как на пороховой бочке.

Он обвел взглядом пустую корчму, будто проверяя, не притаились ли в тени чужие уши.

– Олаф-то вам, поди, про всё рассказал? Как с Ивана Купала мужики пропадать начали? Ровно каждые шесть дней, будто по часам нечистой силы. Сперва молодые, потом и семейные… И следов нет. Ни клочка одежды, ни капли крови. Как сквозь землю.

Он помолчал, тяжело дыша. – Но есть одна деталь, про которую староста, я замечаю, не любит говорить. Может, не верит, может, боится народ до паники довести.

Корчмарь придвинулся еще ближе, и от него пахнуло перегаром и чем-то затхлым. – А по ночам… особенно в те самые, накануне новой пропажи… из-за речки доносится. Смех. Женский.

Он выдохнул, и по его лицу пробежала тень страха. – И смех-то тот… неживой. Холодный, будто ледяной иглой по хребту водят. Веселый, а от него мороз по коже. Как будто кто-то очень старается подобать человечьему голосу, да выходит скверно.

Он отступил на шаг, его лицо снова стало непроницаемой маской.

– Вот вам и вся моя история, богатырь. Деревня как деревня, да после Купала все замерло. А что там на речке творится… не знаю. И знать не хочу. Вы уж сами с этим разбирайтесь. Мне еще дела тут вести.

– Ну, коли деревня вымрет, то и корчме вашей конец, – Иван провел большим пальцем по горлу. – А на речку-то сами ходили? Проверить?

– После того, что по ночам слышу, – ни за какие коврижки! – Корчмарь передернул плечами. – А местные ходят, покуда светло. Будто я один во всей деревне этот могильный хохот слышу. Деревенские делают вид, что всё нормально. Но и дурак поймёт – страшно им. Просто храбрятся.

Иван взглянул в окно. Солнце клонилось к закату, но до темноты оставалось еще пару часов. По его спине пробежали мурашки. Страшно, конечно. Но в нашем деле всегда так. Страшно – а надо.

Он попросил корчмаря разобрать сумки, что висели на Рыси, и отнести в его комнату, а сам направился к выходу.

– Ты к реке собрался? – бросил ему вдогонку корчмарь.

– А куда деваться? Надобно проверить, – ответил богатырь.

Корчмарь смотрел на него с нескрываемым уважением, почти как на героя. Ивану это не нравилось. Маловато героизма в том, чтобы на закате до речки прогуляться. Но ноги у него всё равно предательски подрагивали.

Его остановил голос одного из мужиков из угла:

– Куда это на ночь глядя, служивый? Присоединяйся лучше, расскажешь о подвигах своих. В кости сыграем, – он недобро усмехнулся и протянул Ивану стакан, где о стенки звонко бились три кости.

– Азарта не имею, а рассказы мои скучны до зевоты, – парировал Иван. Он взял стакан и с лёгким стуком перевернул его на стол перед мужиками. – Дурак я, дураком, в общем-то. Думаю, таких вы много видали. Но что точно могу сказать…

Он поднял стакан. Глаза мужиков расширились. На столе лежали ровнёхонько в ряд три шестёрки. Иван улыбнулся и подмигнул им.

– Завсегда дуракам на Руси везёт.

И с этими словами он бодро покинул корчму, оставив за спиной гробовую тишину.

ГЛАВА 2: А Река течёт

Рыся, завидя Ивана во дворе, довольно заржала. Он подошёл и погладил её по шее.

– Тише, тише, моя хорошая. Мы никуда не едем. Я только до речки и обратно.

Лошадь не понимала, почему бы ей не прогуляться вместе с ним. Речка – это же хорошо! Там можно и воды напиться, и накупаться. Как Ваня этого не смекнёт? Хоть и добрый, а очень глупый всадник ей достался. Она недовольно мотнула головой,тряхнув гривой.

– Не грусти, – он достал из седельной сумки морковку и протянул ей. – Для тебя задание поважнее. Смотри по сторонам, подмечай всё. Потом доложишь.

Рысь с нескрываемым удивлением посмотрела на всадника. Она-то расскажет, да только он всё равно ничего не поймёт. Интересно, почему боги сделали людей такими дураками? Они даже лошадиного языка не вразумляют. А между прочим, её жеребята в три месяца на нём щебетали! Но такова, видно, судьба добрых лошадей – помогать убогим да блажным.

Иван, хоть и не сразу, нашёл спуск к реке. Река, конечно, громко сказано – скорее ручеёк по сравнению с отцом-Волховом да матерью-Волгой. Хотя тропинка была истоптана,

всё вокруг заросло травой и кустарником в человеческий рост. Ивану, высокому, то и дело приходилось пригибаться, чтобы ветки не хлестали его по лицу.

На небольшом песчаном берегу у воды стояла девушка и полоскала бельё. Её голос, чистый и звонкий, разносился в вечерней тишине:

У реки, на высокой траве,
Жениха ты отыщешь себе.
Отпусти свой девичий венок —
Ты счастливою станешься в срок.

Иван заслушался. Голос и впрямь был завораживающий. А сквозь тонкую сорочку, освещённую закатом, угадывались соблазнительные изгибы фигуры. Он осторожно ступил вперёд, но под ногой с громким хрустом предательски подломилась сухая ветка.

Девушка обернулась. Её лицо, обрамлённое тёмными волосами, показалось ему дюже красивым.

– О, богатырь! – её губы тронула улыбка. – Ну, и как тебе в наших Жильцах?

Иван, сам не заметив как, улыбнулся в ответ.

– С твоим сладким голосом – чуточку лучше. А так… Отстранённый староста, мрачные жители, пропадающие мужики. Всё как везде.

– Вот и я отцу говорю: место у нас чудесное! – девушка звонко рассмеялась, и звук этот странно контрастировал с мрачными рассказами. – А он – переезжать собрался. Говорит, опасно. А разве на большой дороге разбойников встретить не опасно? На, подержи-ка.

Она протянула Ивану корзину с мокрым, тяжелым бельем. Парень на миг задержал взгляд на её тонких, но сильных пальцах, прежде чем взять ношу.

– Не хочу я уезжать, – Марфа снова наклонилась к воде, доставая из воды выполосканную сорочку, – но и за отца боюсь. Ну что, славный защитник? Уже есть мысли, какое тут на нас проклятие лежит?

– Парочка идей имеется, конечно, – ответил богатырь, чувствуя, как под её взглядом немного теряется. – А тебе одной тут не страшно? Мало ли кто в сумерках ходит. Вдруг та самая выхухоль из кустов набросится?

– В таком случае, как хорошо, что рядом со мной оказался её гроза, – она с силой отжала ткань, и брызги сверкнули в закатном свете. – Спасатель юных девиц, славный богатырь…

– Иван, – представился он.

– А ты, стало быть… – она прищурилась, играя с ним.

– Марфа, кузнецова дочь. Фух… – она швырнула тряпку в корзину и смахнула со лба темные, прилипшие от пота волосы. – Кажется, всё. Так какие у тебя мысли насчёт всего этого?

– По долгу службы не положено, – с наигранной суровостью покачал головой Иван. – А вот твой рассказ я бы с удовольствием послушал. Ты же, поди, гадала на суженого на Купалу?

– Гадала! И рассказать мне есть что, – она вдруг посерьёзнела, её взгляд скользнул по темнеющему лесу. – Да только смеркается. Тятя волноваться начнёт. Ты же в «Ромашке»? – Она забрала корзину, и их пальцы ненадолго встретились. Иван почувствовал, как по его щекам разливается краска. – Там, на заднем дворе, сеновал есть. Приходи, как месяц над лесом встанет. Там и расскажу.

Она обдала его хитрой, многообещающей улыбкой, на мгновение прикусив губу, и, не оглядываясь, легко побежала вверх по тропе.

Иван ещё какое-то время стоял, провожая её взгляд. Вид сзади был ничуть не хуже. Но через пару мгновений он встряхнулся, с чувством выполненного долга развернулся и побрёл вдоль берега, пробираясь через стену камыша и рогоза.

«Сложно что-то найти, особенно не зная, что ищешь, – ворчал он себе под нос, раздвигая упругие, шершавые стебли. – Ну что я тут, в сущности, хочу обнаружить? Следы нечисти? Когтистые лапищи?»

Река в этом месте делала небольшой изгиб, и тропинка, которой он следовал, терялась в зарослях ивняка. Пришлось идти почти наугад, по колено в прибрежной траве. Сапоги то и дело вязли в речном иле, с чавканьем вылезая обратно. Воздух, ещё недавно свежий, становился тяжёлым и влажным, пахлым тиной и гниющими водорослями.

«Река как река, – упрямо твердил он про себя, отряхивая с рукава паутину. – Камыш как камыш. Всё нормально. Тишина».

Но тишина была обманчивой. Она была живой, наполненной шелестом, плесками и щелчками. Где-то с плеском ныряла в воду лягушка, и Иван вздрагивал. Ветерок, долетавший с реки, заставлял камыши шептаться, и этот шёпот казался ему слишком осмысленным. Он остановился, вслушиваясь. Сердце отстукивало ровный ритм где-то в горле. Ничего. Только вода да ветер.

«Корчмарь, конечно, перепил, – мысленно усмехнулся Иван, пытаясь вернуть себе уверенность. – Бывает. Мужики, скорее всего, просто сбежали из этой глухомани. А слух про пропажи лишь подстегнул остальных. Самоподдерживающаяся легенда, не более».

Он свернул в сторону, к старой, полуразвалившейся рыбацкой заколке из вбитых в дно кольев. Осмотрел её – ничего, кроме обрывков старых сетей. Значит, и делать ему здесь нечего. Завтра с утра осмотрит деревню для вида, раздаст мужикам обереги от сглаза – и можно с чистой совестью выдвигаться обратно в Новгород. Отличный план.

Сумерки сгущались стремительно. Синяя мгла выполняла из-под каждого куста, наползала с реки. Очертания деревьев теряли чёткость, превращаясь в пугающие, неясные силуэты. Иван почувствовал, как по коже пробегают мурашки. Он решил, что достаточно побродил и пора возвращаться. Вышел на берег,но, обернувшись, с досадой понял, что забрался в чащу и не сразу сориентируется, где тропа. Вокруг всё выглядело одинаково – серые стволы ольхи, тёмная вода, стена камыша.

Именно в этот момент его уютную, самоуспокаивающую мысль резко оборвала коряга, за которую он зацепился носком сапога. Пытаясь удержать равновесие, он беспомощно взмахнул руками и с грохотом плюхнулся в ледяную воду мелководья.

– Ёп… – начал он, отфыркиваясь и поднимаясь, но ругательство застряло у него в горле.

В последнем багровом луче заходящего солнца, пробивавшемся сквозь чащу, он увидел то, что раньше не замечал. У самого берега, в спутанной траве, застрял венок из полевых цветов. Иван наклонился и поднял его. Стебли были скользкими и подгнившими – венок пролежал здесь не одну неделю, с самого Купала. Но не это привлекло его внимание. То, что он в сумерках принял за комья грязи, оказалось чем-то иным: тёмно-бурыми, почти чёрными пятнами, въевшимися в стебли и увядшие лепестки.

– Кровь… – прошептал Иван, и по его спине побежали ледяные мурашки. – Ха. А староста говорил – ничего не было на празднике. Кажется, кое-что начинает проясняться.

Сердце его заколотилось с новой силой. Если его догадка верна, оставаться на берегу с наступающей ночью было смертельно опасно. Но и пробираться обратно через заросли в наступающих сумерках оказалось нелегко. Каждая ветка, казалось, тянулась к его глазам, каждый корень норовил споткнуть. Страх, острый и животный, придал ему скорости, и он, задыхаясь, выбрался на тропу как раз в тот момент, когда густой молочный туман начал стелиться по земле, поглощая реку.

И весьма вовремя. Едва он увидел вдали спасительные огоньки деревни, его слух пронзил звук, от которого кровь стыла в жилах. Со стороны реки, из клубов тумана, донёсся разливчатый, серебряный женский смех. Он был неестественно чистым и оттого – леденяще чужим. Иван знавал множество храбрых витязей, что бросались с мечом на любую опасность. И он же стоял на поминках по многим из них. Мгновенно сопоставив эти два факта, он принял единственно верное решение.

Он побежал.

***

Рыся жевала овес, ритмично перебирая ушами. Долгий путь, а теперь вкусная еда и возможность отдохнуть неумолимо клонили её в сон. Но долг есть долг – она была лошадью ответственной, и потому ни одна деталь не ускользала от её пристального, хоть и полусонного, внимания.

Весьма подозрительный шмель, полосатый и упитанный, уже опылил пять цветков иван-чая у стены корчмы. Это было на три цветка больше, чем того требовало приличие, и Рыся мысленно постановила: никогда не доверять шмелям, а этого, при случае, – раздавить копытом. Случай, однако, так и не представился.

Корчмарь был мужиком грубоватым, но овес у него был отменный, а сумки с её спины снимал аккуратно, без лишней резкости. Он показался ей добрым. Ведь злые люди редко бывают добры к лошадям. Однако, на всякий случай и с него она не спускала тёмных, блестящих глаз.

Мимо корчмы, подняв облако пыли, проехала телега. Взрослый жеребец, впряженный в неё, тут же принялся строить Рыси глазки, суля увезти в светлое будущее и показать все столичные мостовые. Но по прилипшему к его задней ноге засохшему навозу мудрая кобыла без труда раскусила, что он – врун и хвастун. Его хозяин быстро пополнил припасы, и телега, не задерживаясь, покатила прочь, в сторону Новгорода.

Солнце уже почти коснулось вершин леса, когда Рыся уловила движение со стороны реки. «Ну, если это мой хозяин, я устрою ему такую трепку, – подумала она. – Где это видано, прохлаждаться у воды, пока твой верный конь несёт всю вахту?» Но это был не Иван. Из вечерних сумерек вышла девушка с тёмными, как смоль, волосами, крепко сбитая, с упругой походкой. Такие Рыси нравились куда больше, чем тощие городские модницы.

В этот момент дверь корчмы со скрипом отворилась, и на пороге возник староста. Тип он был неприятный, от него тянуло тем же знакомым запахом пота и земли, что и от её бывшего хозяина-крестьянина. Таким людям Рыся не доверяла с самого жеребячьего возраста. Олаф грубо перегородил дорогу девушке.

– Ты с речки? – бросил он, впиваясь в неё взглядом.

– Если и да, то что с того? – парировала та, не смущаясь.

– Богатыря видала? – наступил Олаф.

– Если и да, то что с того? – Девушка начинала нравиться Рысе всё больше и больше. Характер!

– Что ты ему рассказала?! Отвечай! – Старик вспыхнул и схватил её за рукав холщовой рубахи.

– А что я могла рассказать?! – она резко дёрнулась, срывая его цепкую руку. – За дуру меня держишь?

– Только попробуй ему что сболтнуть! – прошипел Олаф, наклонясь к самому её лицу. – Ни тебе ни мне того не надобно.

Он отступил на шаг и обернулся, его взгляд скользнул по корчме и на мгновение задержался на Рысе. Лошадь, до сих пор пристально следившая за разговором, тут же сделала вид, что увлечённо пьёт воду из поилки. Вряд ли этот двуногий мог догадаться, что из неё и Ивана настоящей угрозой стоило считать именно немолодую, но не в меру бдительную кобылу. Но осторожность – мать мудрости. Девушка поспешила пойти прочь от старика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.